

В.А. Ковпик (Москва, Россия)

Конференция «Малые жанры фольклора в историко-культурном контексте: от средневековых маргиналий к мемам» (15 октября 2024 г.)

V.A. Kovpik (Moscow, Russia)

The Conference “Small Genres of Folklore in the Historical and Cultural Context: From Medieval Marginalia to Memes” (October 15, 2024)

15 октября 2024 г. на кафедре русского устного народного творчества филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова прошла всероссийская научная конференция «Малые жанры фольклора в историко-культурном контексте: от средневековых маргиналий к мемам», приуроченная к 100-летию со дня рождения профессора В.П. Аникина, много лет заведовавшего кафедрой.

Профессор В.П. Аникин, участник Великой Отечественной войны, проживший долгую и плодотворную жизнь, был настоящим патриархом филологической фольклористики своего времени. Он автор 25 научных книг и учебных пособий (в том числе хрестоматии и выдержавшего уже несколько переизданий современного учебника по общему курсу русского фольклора для вузов «Русское устное народное творчество»), свыше 400 статей, посвященных самым разным жанрам русского фольклора – от былинного эпоса, календарных и семейных обрядов и заговоров до детского фольклора, загадок, пословиц и поговорок; глубоко разрабатывал он и проблемы теории фольклорной традиции, изучал фольклоризм русской литературы (творчество А.Н. Толстого, В.Ф. Одоевского, П.А. Ершова, П.П. Бажова и др.). В числе самых первых печатных трудов В.П. Аникина была книга «Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор» (М., 1957), отчетливо обозначившая стойкий интерес ученого к проблемам поэтики малых форм фольклора и методике кросс-жанрового анализа. С этой областью научных интересов В.П. Аникина и связана тематика посвященной его памяти конференции.

Понятие «малые жанры фольклора» (иногда для краткости их называют «паремиями») обнимает собою совокупность текстов, отличающихся краткостью, афористичностью, непосредственной связью с речевой ситуацией, а также широкой вариативностью. Так как границы объема понятия «малые жанры фольклора» довольно размыты, это дает весьма широкое поле для постановки самых разных исследовательских проблем, связанных с механизмами варьирования, коммуникативными функциями, историческими контекстами паремий и загадок. В докладах, прозвучавших на конференции, затрагивались вопросы происхождения и бытования отдельных традиционных и новых малых жанровых форм (маргиналий в средневековых рукописях, авторских афоризмов, мемов как разновидности со-

временных паремий); коммуникативных ситуаций их употребления («узнавание» паремии как часть языка «своей» аудитории и «неузнавание» как часть анекдота или шутки); а также механизмов варьирования и границы жанровых форм паремий, загадок и различных этикетных формул.

В течение дня заседаний конференции состоялось 10 докладов, сгруппированных в пять тематических секций: «Малые фольклорные жанры в контексте рукописной традиции», «Древнерусские загадки», «Количественные методы анализа малых фольклорных жанров», «Паремии как инструмент литературной игры» и «Малые фольклорные жанры внутри больших».

На первой секции («Малые фольклорные жанры в контексте рукописной традиции») с докладом «Библейские изречения и визуальный ряд в старообрядческом “Цветнике”» выступил В.А. Поздеев (Институт языка, литературы и истории научного центра Уральского отделения РАН). Материалом для исследования, основные итоги которого и были подведены в выступлении, послужили тексты в рукописных сборниках – «Цветниках», целом пласте духовной литературы староверов-часовенных Сибири, – собранные в экспедициях 2018–2022 гг. на Енисее в старообрядческих общинах часовенного согласия. Составители «Цветников» пытаются в сжатой афористичной форме представить свое понимание христианских ценностей. В докладе проанализированы вербальные и визуальные воплощения представлений о греховности современного мира, подвергающего людей соблазнам, о правильном жизненном сценарии человека, принадлежащего закрытому старообрядческому сообществу. Такие тексты являются своеобразной трактовкой библейских изречений.

С.В. Алпатов (МГУ имени М.В. Ломоносова) представил доклад «“De proprietatibus gentium”: от Исидора Севильского до Владимира Даля». Впервые документированный «Оветенской компиляцией» (883 г.) вариативный перечень положительных (суммарно до 17 позиций) и отрицательных (21 пункт) «свойств» европейских народов фиксируется в русской рукописной традиции с XVII в. в составе переводов анонимных «арифмологий» и авторских сочинений типа «Выдания о добронравии» Яна Жабчица. Наблюдения над корпусами устных народных присловий XVIII–XX вв., содержащими паремии исследуемой тематики, демонстрируют характерную эволюцию формы и семантики устных изречений о ярких культурных особенностях тех или иных этнических групп: взамен приписывания определенному этносу обобщенной номинативной характеристики («лукавство египтян», «обжорство галлов» и т. д.) его представители характеризуются предикативными конструкциями («Лях и умирает, а ногами дрягает»), маркируются знаковыми предметными реалиями («Литовский мост, что немецкий пост») или ассоциированы со сжатым до поговорки этиологическим («Первого черемиса леший родил, оттого они в лесу сидят»), легендарным («Господь по воскресении раздает народам характеристики в соответствии с их поведением в Страстную седмицу») либо анекдотическим («Поп Васька дома? – А кто там? – Василий Иванович (чувашин)») сюжетом.

В докладе В.А. Ковпика (МГУ имени М.В. Ломоносова), «Стиль “Моления Даниила Заточника”»: сплав книжной афористики с народными пословицами и поговорками» указано, что фольклористическое изучение памятников древнерусской литературы важно вдвойне: помимо исследования самих письменных памятников, оно способно хотя бы немного восполнить для нас крайнюю скудость достоверных источников о состоянии устной фольклорной традиции во времена Древней Руси. Если о каком-либо подобии специальных записей русского фольклора можно говорить не ранее XVII в., то для более ранних периодов можно признать наличие лишь

косвенного отражения устной традиции в письменных источниках. Таковы пере­сказы преданий в начальных частях древнейших русских летописей, приемы пе­сенно-эпического стиля в «Слове о полку Игореве» (памятнике нетипичном среди корпуса современных ему текстов именно высокой степенью его связи с фолькло­ром) или заклиательные формулы в плаче Ярославны там же. Если же говорить о народных паремиях (малых прозаических жанрах), фразеологизмах, идиомах, то значительное число их появляется в текстах древнерусской литературы примерно с XVI в., когда возникает ряд книжных текстов «простого стиля», отражающих речевую разговорную стихию, противопоставленную господствовавшему ранее пышному и замысловатому «плетению словес» византийского риторического об­разца; таковы, например, послания Ивана Грозного, сочинения протопопа Авваку­ма, «Калязинская челобитная» и др. («Единого моего слова гневного ты стерпеть не похотел, ко врагу нашему, кралю Жигимонту, сбежал, и оттоле лаешь на нас, как пес из-под лавки, только укусить не можешь» – пример из послания Ивана Грозно­го князю Курбскому). Для более раннего времени, а тем более для домонгольского периода, такие тексты нехарактерны; тем более важно исключение из этой общей тенденции – «Слово» или «Моление» автора, известного как Даниил Заточник, которое мало того что дает нам пример нехарактерного для древнерусской лите­ратуры ярко выраженного личностного начала и авторской индивидуальности, но еще и содержит множество случаев употребления народной афористики и фразе­ологии, причем в постоянном смешении и контрасте с изречениями книжными, прежде всего взятыми из Писания (и такое стилистическое смешение осмыслено со стороны автора, дополняющего сакральные цитаты псалмов народными посло­вицами, которые сам он называет «мирскими притчами» вроде «Ни скот в скотах коза, ни зверь в зверях еж, ни рыба в рыбах рак, ни птица в птицах нетопырь, ни муж в мужах, если над ним жена властвует, ни жена в женах, если от своего мужа прелюбодействует, ни работа в работах – для женок повоз возить»). Помимо пословиц и поговорок, влияние народно-поэтического стиля видно и в употреблении приема балагурства («Кому Боголюбово, а мне горе лютое, кому Лаче-озеро, а мне, на нем сидя, плач горький») или формул невозможного («Не видел ты неба холстя­ного, ни звезд из лучинок, ни глупого, говорящего мудро») и пр.

На секции «Древнерусские загадки» был представлен доклад О.А. Кузне­цова (МГУ имени М.В. Ломоносова), «Загадки в рукописных сборниках XVII–XVIII вв.: жанровые трансформации». Как отмечено в докладе, загадка – малый жанр – имеет свойство легко встраиваться в новый контекст и менять жанровую принадлежность. Особенно хорошо это видно в русских рукописях на примере загадок, вошедших в XVII–XVIII вв. в репертуар каллиграфических упражнений и текстов для чтения («подписей и складов»), следовавших за основной частью в азбуках. Такие тексты приближаются к дидактическим высказываниям и уже предполагают не столько отгадывание (игровой компонент, реализуемый, напри­мер, в составе нарративов), сколько заучивание вопросной части (без ответа), о чем свидетельствуют многочисленные упражнения – воспроизведение текстов загадок разным почерком на свободных листах. Так, текст о море на пяти стол­пах прочитывается в соответствующем контексте как предупреждение юношам, а загадка о пчелином улье с парадоксальным пассажем о сладости в горечи – как напоминание о награде после приложения усилий. Загадка, особенно книжного происхождения, легко смыкается с афоризмами и попадает в сборники пословиц из-за близости жанровой природы. Их объединяют компактность, иносказатель-

ность, назидательность, и в книжной среде все эти тексты зачастую воспринимались как «жемчужины», которые мудрец может извлечь из глубин памяти и применить к случаю. Более интересны случаи, когда такой текст функционирует в качестве подписи под картинкой. Картинка, будучи второстепенным компонентом, нередко показывает смысловое приращение, не проявляющееся в тексте загадки. Например, коронованной «птицей-девицей» украшен текст с загадкой о смерти в каллиграфическом свитке XVII в. Визуально иллюстрация выполняет функцию виньетки и разделяет параболический текст на условие и объяснение. Но в то же время изображенная птица становится персонажем, поскольку соотносится с той, что бросает сорванные цветы в корыто. В тексте птица не конкретизируется и, насколько известно, в вариантах этой загадки не появляется Сирий или подобный тип легендарного существа – тем показательнее, что писец совмещает эти книжные реалии. Когда картинка превращается из декоративного в игровой компонент, пословицы и другие готовые тексты небольшого объема могут приобретать форму загадки, – форму, позволяющую напрямую обратиться к собеседнику, создать ощущение диалога. Так, в альбоме «Картинная книга» князя Т.И. Енгальчева изображение одетого в разную обувь человека с грудой сельскохозяйственных инструментов сопровождает подпись: «Сам барин, сам холоп, сам он пашет и орет и с крестьян оброк берет: отгадайте...». Едва ли имеется в виду абстрактный «однодворец»: исходя из общего контекста сборника, в котором живописные фигуры приглашают на охоту, повествуют о рождении необычного барашка и других домашних обстоятельствах, можно предположить, что речь идет о применении формульного текста к конкретной ситуации, как бывает с мемами.

Доклад Н.В. Буцких (Центр исследований древнерусской культуры «Зело», С.-Петербург) «Зерно и антихрист: варианты толкований загадок в древнерусской книжности» был посвящен обзору толкований загадок в русских рукописях XIV–XVII вв. Исследователем отмечен афористический потенциал древнерусской загадки, позволяющий ей менять смысл в зависимости от набора окружающих текстов, но, в отличие от доклада О.А. Кузнецовой, основное внимание было сосредоточено на практике разгадывания, игре с читателем и авторской интерпретации. Наряду с предсказуемыми стратегиями появления новых ответов (например, заменяемые в контексте загадки о борцах абстрактные оппозиции правда – кривда, день – ночь, жизнь – смерть; или возникающие при смене стилового регистра «превращения» Ионы во чреве кита в тучу с громом, петуха в колокол, пчелиного улья в колыбель и др.) были кропотливо собраны и прокомментированы окказиональные варианты. Так, по-видимому, бытовая загадка о хлебе была переосмыслена Максимом Греком в качестве высказывания об Антихристе.

Два доклада было сделано на секции «Количественные методы анализа малых фольклорных жанров».

В.В. Нагорных (МГУ имени М.В. Ломоносова) представила доклад «Этнокультурные стереотипы в анекдотах сквозь призму конкорданса». Автор напоминает, что анекдот в русской системе речевых жанров занимает особое место и обладает уникальными языковыми характеристиками. Е.Я. и А.Д. Шмелевы характеризуют анекдот как «короткий связный текст (причем соответствующий как грамматической и синтаксической, так и смысловой связанности), произносимый говорящим намеренно, со специальной целью рассмешить слушающего, понятный слушающему, произносимый в определенной ситуации, в которой уместно рассказывание анекдота, и связанный интертекстуальными связями с другими анекдотами и сте-

реотипами анекдотического пространства». Основываясь на этих определениях, целесообразно рассмотреть особенности употребления лексем, обозначающих разные этносы, на материалах конкорданса коллекции анекдотов 1991–1993 гг. кафедры русского устного народного творчества и конкорданса, созданного на основе указателя советских анекдотов М.А. Мельниченко.

В докладе Е.П.Кузнецовой (МГУ имени М. В. Ломоносова) «Формульные сочетания как параметр поиска по полнотекстовой базе данных (на материале заговоров, поверий и причитаний)» рассматривается проблема поиска и анализа устойчивых коротких формул в русских фольклорных текстах, а именно в заговорах, поверьях и причитаниях. Для решения поставленной задачи были использованы две полнотекстовые базы данных: «База данных Полесского архива» и «Словарь семантических единиц “Русские причитания”». Основной акцент сделан на использовании автоматизированных методов поиска для выявления формульных конструкций в заговорах, причитаниях и поверьях. В рамках данного исследования проводились поиски по конкретным словосочетаниям, таким как «ясны очи», «проглядеть очи», «желты пески», «ключ-замок», «замки железные», «замки немецкие», «сердце ретивое». Эти формулы представляют собой характерные примеры устойчивых выражений, встречающихся в фольклорных текстах разных жанров. В докладе обсуждается эффективность поиска в базах конкретных словесных формул в сравнении с поиском по ключевым словам-терминам («очи», «пески», «ключ», «замок», «сердце» и др.). Результаты показали, что использование поиска по формульным сочетаниям позволило существенно расширить возможности исследования устойчивых формул в фольклоре, что открывает новые перспективы для изучения устной традиции.

На секции «Паремии как инструмент литературной игры» также было сделано два доклада. Л.А. Трахтенберг (МГУ имени М.В. Ломоносова) выступил с докладом «Пословицы и поговорки в сатирических журналах 1769 г.». Автор проанализировал публикации восьми издававшихся в 1769 г. в Петербурге журналов, вошедших в историю русской литературы под названием сатирических: «Всякая всячина», «И то и се», «Ни то ни се», «Полезное с приятным», «Поденщина», «Смесь», «Трутень», «Адская почта». Из них наиболее известны «Всякая всячина» – первый по счету журнал, послуживший для других образцом формы, созданный по инициативе Екатерины II, и «Трутень», завоевавший наибольшую популярность среди современников и ставший началом литературной карьеры Н.И. Новикова. А в аспекте связей с фольклором наиболее интересен второй по счету журнал, «И то и се», издатель которого, М.Д. Чулков, на протяжении многих лет проявляет интерес к народному творчеству. Стиль этого журнала отмечен использованием многочисленных пословиц; та же черта характерна для романа Чулкова «Пригожая повариха». Вместе с тем пословицы и поговорки можно встретить и в других журналах. Есть они и во «Всякой всячине», и в «Трутне». Там их меньше, и оттого они не так заметны, поэтому обычно не привлекают к себе внимания исследователей. Различие между журналами в использовании пословиц и поговорок не только количественное, но и качественное; эти жанры выполняют в текстах разные функции.

В докладе А.В. Сухоставской (МГУ имени М.В. Ломоносова) «“Мышь – наше все”: авторский афоризм как паремия (на примере романа Т. Толстой “Кысь”)» указано, что эпоха конца XX – начала XXI в. в литературе ознаменована расцветом постмодернизма, раскрывшегося в искусстве через ряд характерных особенностей, одной из которых является деструкция. В рамках исследования современных произведений справедливо, по мнению автора, утверждать, что разрушение

актуализируется на всех уровнях текста, включая лексический. Деструкция фразеологических единиц приводит к утрате их изначальной семантики. В докладе на примере романа Т.Н. Толстой «Кысь» рассмотрено преобразование общеизвестных паремий, показана вариативность способов изменения лексической структуры изречений народного происхождения и проанализированы полученные авторские афоризмы как инструмент достижения коммуникативной цели произведения.

Завершила конференцию секция «Малые фольклорные жанры внутри больших», где с содокладом «Вербальные и акциональные компоненты формул невозможного в восточнославянских мифологических рассказах» выступили С.К. Мамонова и К.О. Полковникова (МГУ имени М.В. Ломоносова). Авторы проанализировали формулы невозможного – стилистическую универсалию, встречающуюся в текстах различных фольклорных жанров. Исследователи (А.А. Потебня, П.Г. Богатырев, Б.П. Кирдан, Т.А. Агапкина) рассматривали их исключительно как прием, который отвечает функциональной направленности текста. Как отмечает Т.А. Агапкина, в заговорах формулы невозможного «являются своего рода гарантией “невозвращения” болезни». В лирической песне с помощью формул невозможного может создаваться образ долгой разлуки или обозначаться невозможность влюбленных быть вместе. Кроме того, они могут использоваться для создания комического эффекта, как это происходит в эпических скоморошинах-небылицах или шуточных песнях (см., например: «Да и где же это виданое, // Да и где же это слыханое, // Чтобы курочка барана родила, // Поросеночек яичко снес, // Мужичок ребенка принес» [АКФ 2007. Т. 1. № 597])¹. Специфика формул невозможного заключается в том, что они, будучи единицей вербального уровня, способны приобретать акциональный эквивалент. Наиболее наглядно это представлено в мифологических рассказах с сюжетом, где девушка, имитируя различные абсурдные действия, изгоняет посещающего ее мифологического любовника. На восточнославянской территории этот сюжет существует в нескольких версиях: в наиболее распространенной из них девушка расчесывает волосы над жареным конопляным семенем, грызет его у порога, на вопрос мифологического любовника: «Что же ты делаешь?» – она отвечает: «Вшей ем». Мифологическое существо удивляется и говорит: «Как же может человек вшей есть?» – на что девушка отвечает: «Как же может мертвый к живому ходить?» – после чего нечистая сила исчезает. В других версиях девушка говорит, что собирается женить брата на сестре / идет на свадьбу к куму и куме / моется в избе / доит лошадь. В связи с подобными текстами докладчицы рассматривают следующие вопросы: (1) как в мифологических рассказах соединяются акциональный и вербальный компоненты; (2) какую роль в коммуникации между миром живых и миром мертвых выполняют формулы невозможного; (3) почему именно абсурд становится эффективным способом разоблачения нечистой силы.

Сведения об авторе:

Василий Александрович Ковпик,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Vasily A. Kovpik,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

kovpik@yandex.ru

¹ АКФ – архив фольклорных экспедиций и полевых практик кафедры русского устного народного творчества филологического ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова.